

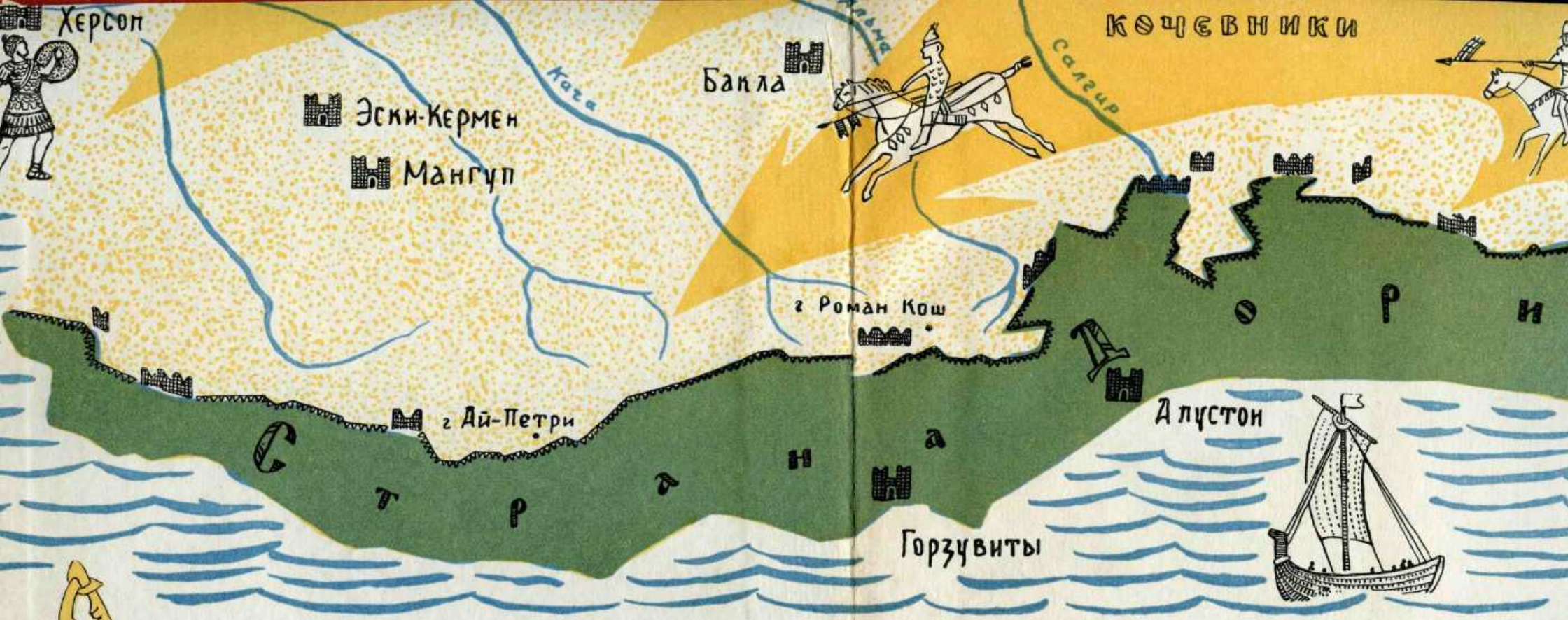
ДОРОГОЙ
ТЫСЯЧЕЛЕТНИЙ

ДОРОГОЙ ТЫСЯЧЕЛЕТНИЙ

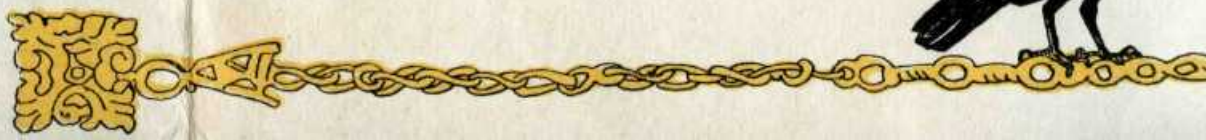
ЭКСКУРСИИ
ПО СРЕДНЕВЕКОВОМУ КРЫМУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРЫМ“
СИМФЕРОПОЛЬ · 1966

аннесредневековая
Таврика в V-VI в.в.

Книгу подготовили на общественных началах: В. П. Бабенчиков, Е. В. Веймарк, Т. Н. Высотская, В. К. Гарагуля, О. И. Домбровский, М. Г. Кустова, С. А. Секиринский, М. А. Фронжуло.

Вы взяли в руки книгу, которая обобщает материал по средневековой истории и археологии полуострова, накопленный за последние 50 лет.

Вместе с ее авторами — историками и археологами, работающими в Крыму, — вы пройдете дорогой тысячелетий и посетите замечательные памятники истории и культуры тех, кто жил на полуострове много веков назад. Вы увидите их жилища и могильники, орудия труда и войны, одежду и посуду и, возможно, представите себе заботы простого люда о хлебе насущном, о безопасности своего очага, его борьбу с иноземцами, его стремление к свободе.

Ответственный редактор-составитель И. О. Домбровский.

Художник Н. Г. Чайка.

Уважение к древности — есть
признак истинного
просвещения.

Фридрих Энгельс

ОТ АВТОРОВ

1918 г. Владимир Ильич Ленин подписал декрет об охране в нашей стране памятников искусства и старины. С тех пор забота о них стала делом государственной важности. Но все ли мы, граждане СССР, в том числе и некоторые руководители административных, общественных и хозяйственных организаций, свято выполняем ленинский завет беречь памятники культуры? Все ли помним об их научном, эстетическом и, прежде всего, воспитательном значении? Нам кажется, нет. Памятники отечественной истории и культуры, которыми так богат Советский Союз, еще плохо популяризируются, особенно среди молодежи.

Последовательно упрочать ленинские традиции уважения к искусству и старине, всесторонне использовать в целях коммунистического строительства богатейшее культурное наследие минувших времен — неотложная

задача. Вот почему в 1965 г. по решению ЦК КП Украины организовано Добровольное общество охраны памятников истории и культуры Украинской ССР.

В Крымской области очень много — больше, чем где бы то ни было в нашей стране, — разнообразнейших памятников древности и средневековья. Однако за последние годы не вышло в свет ни одной популярной книги о них. И это в то время, когда именно Крым ежегодно посещают миллионы людей, располагающих свободным временем, готовых посвятить часть своего отдыха увлекательным экскурсиям в далекое прошлое!

Авторский коллектив историков и археологов, работающих в Крыму, пытается, хотя бы частично, восполнить этот пробел данной книгой. В ней используются не только ранее изданные специальные статьи и капитальные научные труды, но и результаты новейших полевых исследований — археологических разведок и раскопок последних лет, а также изучения письменных источников, этнографических данных и топонимов.

Мы решили не умалчивать о некоторых спорных или недостаточно разработанных проблемах истории Крыма. Представим дело так, как оно есть. Пусть увидит читатель и те стороны исторического исследования, где еще не все ясно, где кипят споры, ведутся настойчивые поиски новых фактов. Нам пришлось вернуться и к таким проблемам, которые считались уже давно решенными. Например, мы снова рассмотрим вопрос о загадочной «стране Дори»; на основе недавних археологических раскопок уточним местоположение средневекового города Фуллы; по-иному, чем прежде, осветим характер и последствия похода киевского князя Владимира на Корсунь и т. д.

Думается, что это не обескуражит читателя, а, наоборот, вооружит его более ясным пониманием сложной работы, которую выполняют исследователи древнего и средневекового Крыма, чтобы восстановить историческую правду.

Пристальное внимание исторической науки к древним и средневековым памятникам Крыма не случайно. К востоку и западу от Крымского полуострова впадают в Черное море крупнейшие реки Восточной Европы — Дон, Днепр, Буг, Днестр. Эти древние водные пути (наряду с сухопутными — через Перекопский перешеек) во многом предопределили здесь развитие производительных сил в период средневековья. Они способствовали постоянному общению оседлых обитателей полуострова с племенами славянских областей. Для последних Крым являлся естественным выходом к морю. Водный черноморский путь открыл возможность торговых и культурных сношений юга Восточной Европы с Кавказом, Малой Азией, Средиземноморьем. Крым был одним из мостов между «варварским» миром, как его незаслуженно называли, и старыми средиземномор-

скими и азиатскими культурами. Именно тут столкнулись интересы двух великих держав — дряхлеющей Византии и молодого Русского государства. Территория Крыма служила ареной их упорной борьбы.

В течение столетий Крым испытывал опустошительные вторжения, начиная с нашествий готов и гуннов и кончая захватом его территории монголо-татарами и турками. Последнее затормозило, но не смогло остановить закономерное и неизбежное, преддetermined всем ходом истории, присоединение Крыма к России. Оно произошло в конце XVIII в. в итоге длительной борьбы русского и украинского народов с султанской Турцией за выход к Черному морю.

Заключительный этап крымского средневековья — XVI — XVIII вв., — представленный, в частности, рядом интереснейших памятников Бахчисарая, освещен в краеведческой литературе значительно полнее предшествующих, и поэтому мы ограничиваемся рассказом о V—XV вв.

Памятники этого периода изучены далеко не в одинаковой мере. Полнее других исследован средневековый Херсонес; более или менее изучены феодальные города и замки юго-западного предгорья (руины Эски-Кермена, Мангупа, Чуфут-Кале, Баклы и др.), а также некоторые из его средневековых селищ и могильников. Но вот другие районы Крыма известны исторической науке гораздо меньше.

Территория Крымского полуострова делится на зоны — степную, предгорную, горную и южнобережную. Природные особенности этих зон и различный этнический состав населения сыграли определенную роль в развитии материальной культуры, экономики, социального строя и политической истории Крыма.

При разработке экскурсий мы старались придерживаться территориальной группировки памятников и вместе с тем не игнорировать специфику предпосылок и исторических условий разных районов Крымского полуострова. В то же время ни один из экскурсионных маршрутов невозможно приурочить к какому-либо одному историческому периоду: ведь почти каждый памятник жил очень долго и сохранил следы не одного, а нескольких периодов.

Поэтому, чтобы избежать повторения в разных главах одних и тех же исторических положений, мы решили построить книгу так:

Краткий вступительный очерк «В эпоху великого переселения» (авторы Е. В. Веймарн и Т. Н. Высотская) рассматривает Крым в переходный период между поздней античностью и ранним средневековьем (конец III — начало V в. н. э.). В этот период он стал объектом вооруженных столкновений между старожилками полуострова — потомками скифов и тавров (сильно сарматизованными, смешавшимися с греками) и племенами-пришельцами, так называемыми готами, а затем гуннами. Краткое ознакомление с историческими событиями и материальной культурой этого периода необходимо для

понимания местных особенностей средневековья в Крыму и генезиса его памятников.

Глава «Город Херсон — «Корсунь-град» русских летописей» (автор О. И. Домбровский) дает беглый обзор средневекового Херсонеса, форпоста Византии в Северном Причерноморье.

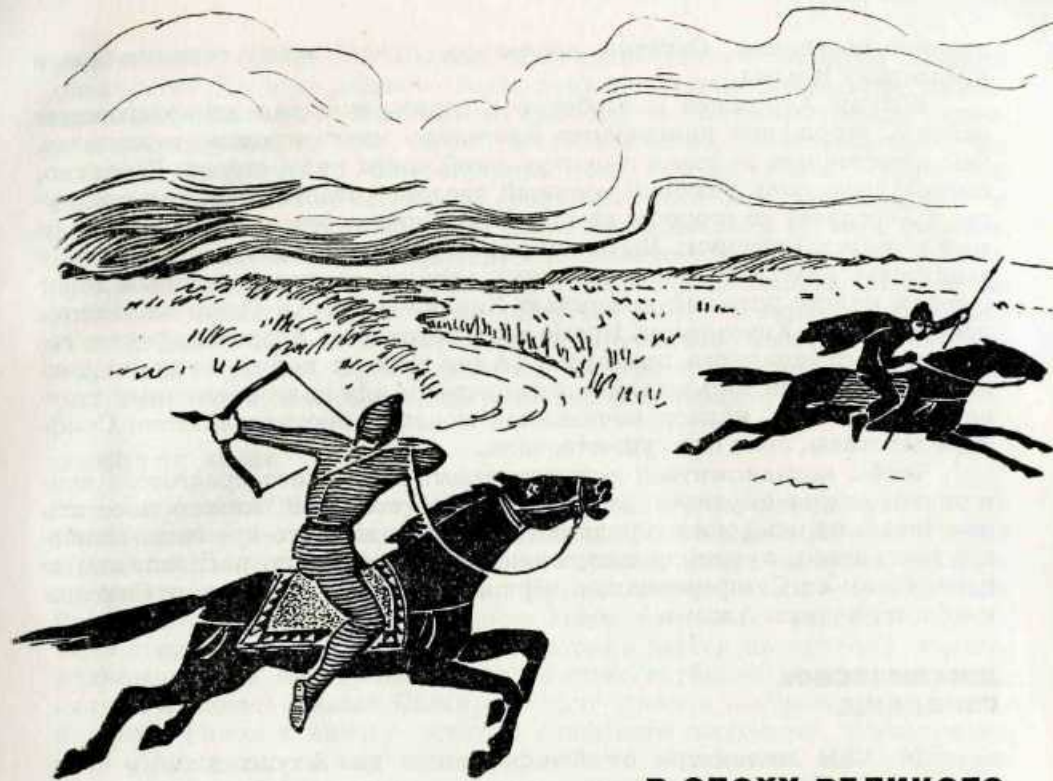
Далее идет ряд экскурсий по наиболее интересным средневековым памятникам юго-западного отрезка крымского предгорья, Главной горной гряды и южного побережья от Алушты до Ласпи. Историческое освещение памятников дается вслед за маршрутами в главах-очерках: «Средневековая Таврика и крымская «Готия» (О. И. Домбровский), «Рядом с византийским Херсоном» (Е. В. Веймарн), «Общины «Готии» (В. К. Гарагуля), «Во владениях господ Феодоро» (Е. В. Веймарн).

Следующие главы книги содержат несколько экскурсий по средневековым памятникам восточного Крыма: «От Восточного царства до Тмутараканского княжества» (М. А. Фронжуло), «Кафа, Солдайя, Чембало» (С. А. Секиринский), «Под игмом Золотой Орды» (М. Г. Кустова). Относительная краткость этих глав объясняется недостаточной изученностью выдающихся памятников восточного Крыма.

Несколько слов по поводу иллюстраций. Их автор Н. Г. Чайка попыталась воссоздать облик разноплеменного населения средневекового Крыма и показать его пестрый быт: изобразить людей и их одежду, жилища и домашнюю утварь, орудия труда и вооружение. В основу этой работы легли многочисленные археологические находки, а также этнографические данные, зафиксированные в фотографиях, хранящихся в Областном краеведческом музее (в частности, материалы из архива известного крымского историка и археолога А. Л. Бертъе-Делагарда). Пригодились аналогичные данные по Кавказу и Балканам; многое почерпнуто в памятниках средневекового изобразительного искусства — фресках, иконах, книжных миниатюрах.

Восстановление крымского средневековья в живых зрительных образах в значительной мере опирается и на ряд отечественных и зарубежных трудов по истории материальной культуры, особенно одежды и оружия.

Насколько удалась книга, судить, конечно, не нам, но целесообразность самого направления подобной работы не вызывает сомнений. Мы хотим ее продолжить и будем благодарны читателю за критические замечания и советы.

В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ

В первых веках нашей эры в Крыму существовали три рабовладельческих государства: Херсонесская республика на Гераклейском полуострове и западном побережье, Восточное царство — на Керченском полуострове (в которое входила и Феодосия с ее ближайшими окрестностями), Скифское государство — в степях и предгорной части Крыма. В это же время Таврика — горные районы с южным и юго-восточным побережьями — была населена родственными между собой и, видимо, союзными племенами, еще не поднявшимися до классовых отношений.

Неустойчивое политическое равновесие между столь различными социальными организациями, то и дело нарушалось вооруженными столкновениями. Конец их вражде наступил в III—IV вв. н. э., когда в Крым хлынули готы и гунны, которые разрушили и сожгли многочисленные

древние поселения. Остатки последних лучше всего сохранились в предгорьях Крыма.

Вблизи Херсонеса и особенно в горах, включая южнобережные склоны, вторжение пришельцев протекало менее кроваво и жестоко, чем в восточных районах и центральной части полуострова. Вероятно, сыграл свою роль римский военный заслон, который охранял подступы к Херсонесу со стороны степи и обеспечивал безопасность торговли между ним и Боспором. Быть может, об охране римлянами побережья свидетельствуют еще малоизученные остатки древних мощеных дорог в горах между римской крепостью Харакс (мыс Ай-Тодор на южном побережье) и Херсонесом. Кроме того, некоторые позднескифские городища юго-западного предгорья (Алма-Кермен и др.), судя по данным раскопок, использовались легионерами для долговременных стоянок. Сдерживать натиск кочевников могло и противодействие Скифской державы, пока она существовала.

Чтобы познакомиться с памятниками крымского предгорья, хранящими следы смутного периода III—IV столетий, можно посетить некоторые из скифских городищ, доживших до этого времени. Наиболее доступны и лучше других сохранились городища, расположенные неподалеку от Симферополя, в верховьях Большого и Малого Салгира и в бассейне реки Альмы.

ДЖАЛМАНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

На 12-м километре от Симферополя по Алуштинскому шоссе, возле с. Пионерское (б. Джалман), на правом берегу Салгира расположено одно из скифских укрепленных поселений. Путь к нему идет от моста возле троллейбусной остановки Пионерское 1, через село на правом берегу Салгира и по дороге, которая уходит к северо-востоку в узкую глубокую балку, врезающуюся в высокий лесистый водораздел между Большим и Малым Салгиром. В верховье балки, где лесная дорога круто поднимается в гору, нужно свернуть на правое ее ответвление, которое приведет к седловине между массивом водораздела и тем отрезанным от него балкой отрогом, по северному склону которого вы все время шли. Здесь сохранились остатки позднескифского поселения, укромно расположившегося под прикрытием высоких холмов. Повсюду черепки разбитой гончарной посуды, местами прослеживаются каменные фундаменты жилищ, в обнажениях грунта виден задернованный зольный слой.

Рядом с поселением — на холме — небольшое, овальное в плане, Джалманское укрепление. Несмотря на раскопки, внутри укрепления не найдено никаких следов постоянной жизни. А между тем оно было хорошо защищено и валом, и мощной стеной из крупных необработанных

каменей. Может быть, люди прятались здесь в моменты военной опасности? Но ведь рядом — горы, представлявшие более верную возможность спастись от врага. Надо думать, что эти примитивные укрепления соорудились для чего-то еще: иначе их невыгодно было бы строить. Скорее всего они служили для охраны скота — основного богатства обитателей поселений. Ведь без скота они лишились бы и важного источника пищи, и материала для одежды и обуви, и возможности заниматься земледелием, почти невыполнимым без тягловой силы.

В обстановке бурь и невзгод не только пришельцы-кочевники, но и соплеменники могли зариться на чужое добро. Вечные вооруженные стычки соседей из-за полей, водных источников, пастбищ для скота являлись, вероятно, прообразом тех мелких феодальных войн, которые наполняли жизнь людей средневековой эпохи.

ЗОЛОТОЕ ЯРМО

Если выйти по левому ответвлению той же дороги на хребет водораздела, то через долину Малого Салгира будет виден западный край и ущелья Долгоруковского горного массива, плато которого (яйла) с древности служило пастбищем. Прямо перед нами — с. Дружное (б. Джафер-Берды), куда от шоссе ведет несколько полевых дорог. Село стоит возле большой дороги, которая вьется по крутому отрогу, поднимаясь на яйлу. Левее села темнеет глубокое лесистое ущелье, откуда вытекает Малый Салгир. Вокруг ущелья разбросаны курганы, а совсем рядом с ними — остатки скифского поселения, южнее которого открыт еще не изученный грунтовый могильник. Над современным селом на обрывистом скалистом мысу Золотое ядро находятся остатки скифского укрепления, в былые времена охранявшего долину с ее пахотными землями, источниками питьевой воды и ближайшими нагорными пастбищами. В такого рода крепостях можно видеть прототипы раннесредневековых укреплений, позднее превратившихся в феодальные замки.

АЛЬМИНСКАЯ ГРУППА ПОЗДНЕСКИФСКИХ ГОРОДИЩ

Не менее интересна и другая группа мелких городищ, доживших до той же эпохи в бассейне реки Альмы: Усть-Альминское — над с. Песчаное (б. Алма-Тамак) на левом берегу реки, где сейчас можно осмотреть остатки оборонительного вала и некрополя, раскопки которого ведутся; Алма-Кермен — на западной окраине с. Заветное (б. Алма-Кермен), тоже на левом берегу Альмы, и другие.

Из левобережных альминских памятников первых веков нашей эры особенно интересно городище, близкое по своей структуре к

Джалманскому. Это укрепление расположено на холме Карагач, возле Партизанского водохранилища. Культурные остатки внутри городища крайне незначительны, но к нему, как и к Джалманскому укреплению, примыкает большое, сильно разбросанное поселение.

БАКЛА

Между реками Альмой и Бодраком почти на равном расстоянии от сел Малиновка (б. Кабазы) и Скалистое (б. Тав-Бодрак) находится Бакла — укрепление, существовавшее в IV—XIII вв.

На территории Альминского карьера (над с. Скалистое, в километре к западу от Баклы) в 1958—1960 гг. был раскопан могильник IV—IX вв. На самой Бакле ведутся археологические раскопки средневекового укрепления, стоявшего на краю обрывистой скалы над одной из широких долин междуречья. Когда-то здесь было большое поселение: видны остатки усадеб с оградами, террасы, фундаменты домов. Раскопки здесь только начаты, но полученные данные уже позволяют прийти к выводу, что укрепление и связанное с ним поселение появилось в конце IV в. н. э., а погибло во время татаро-монгольского вторжения в Крым.

На территории Баклы, кроме искусственных пещер хозяйственного и оборонительного назначения, имеются остатки давилен для винограда и множество бродильных и зерновых ям, высеченных в скале. В нависающем над поселением с северо-запада выступе скалы вырублена небольшая пещерная церковь. В долине под Баклой на недавно распаханых полях и нетронутых пастбищах также видны фундаменты оград и крепиды средневековых террас. Над верховьем оврага сохранились следы средневековой керамической печи.

Баклинский археологический комплекс (поселение, крепость, некрополь) дает представление о преемственности хозяйственных, культурных, строительных и прочих традиций позднеантичного времени, которые продолжали жить и в раннесредневековый период. Изучение подобных памятников открывает глаза на происхождение аналогичных средневековых поселений и укреплений; ознакомление же с поразительной их исторической ситуацией помогает понять, как складывались некоторые специфические черты крымского средневековья.

ПРОБЛЕМА КРЫМСКИХ ГОТОВ

В III в. в Европе началось интенсивное передвижение племен, названное историками Великим переселением народов.

Города и земледельческие поселения Крыма в значительной степени пострадали от нашествия так называемых готов — германских племен, сильно смешанных с многоэтничным населением Восточной

Европы и ко второй половине III в. воспринявших культуру и обычаи последнего.

Чистота происхождения этих пришельцев по прямой линии от древних германцев более чем сомнительна, а сведения о них, дошедшие до нашего времени, разноречивы.

Название «готы» появилось еще в позднеантичных источниках IV в. н. э., причем авторы называют одни и те же варварские племена то готами, то гетами, то скифами, а позднее, в византийских источниках, появляется и термин «готфаланы».

Историк VI столетия Иордан, рассказывая о готах, использовал не дошедший до нас труд Кассиодора, государственного деятеля при дворе короля Теодориха (493—526 гг.). Его сведения о готах крайне путаны и противоречивы. И это понятно. Оба историка не столько придерживались истины, сколько стремились возвеличить своих правителей. В откровенно тенденциозном сочинении Иордана, наряду с фактами, много преувеличений и домыслов. Он, например, отождествляет, основываясь только на названии, «готов» Северного Причерноморья с готами (видимо, в большей степени германцами), которые действовали на территории Западной Европы. Впрочем, в те времена эта ошибка была достаточно распространенной.

Некоторые русские и зарубежные ученые — историки, археологи, искусствоведы — безраздельно приписывали готам, по их мнению, наиболее талантливым среди германских племен, создание так называемой «готской культуры», «готского стиля» в искусстве. Готы якобы дали толчок всему культурному развитию средневековой Европы. Поскольку действительно многие памятники материальной культуры эпохи переселения народов (в основном изделия художественного ремесла) в самых различных местах востока и запада Европы носят отпечаток одного и того же своеобразного стиля, все они были объявлены готскими. На подобной «основе» построена вся величавая, но нереальная картина мирового владычества готов-германцев. Неоспоримые факты начисто сметают подобные умозаключения.

Известно, что готы-германцы еще во II в. начали постепенно переселяться от берегов Балтийского моря к югу, а в III столетии какое-то их число достигло Северного Причерноморья и проникло в Крым. Однако в столь долгом продвижении к югу неизбежна была их этническая и особенно культурная ассимиляция, быть может, менее воинственными, но зато более многочисленными аборигенами. Ираноязычные племена — скифы, сарматы, аланы¹, начавшие к тому времени сливаться, обладали неизмеримо более высокой культурой, развившейся под сильным и длительным влиянием античной цивилизации. Вероятно, этим и объясняется, что несмотря на многочисленные изыскания отечественных и зарубежных ученых, ни в архео-

¹ Аланы — наиболее могущественное из позднесарматских племен.

логических памятниках, ни в антропологическом материале Северного Причерноморья пока не удалось найти хотя бы малейших вещественных следов готов-германцев. Это вызывает и противоречие между археологическими и некоторыми письменными данными: в то время как по византийским источникам и генуэзским документам юго-западные районы Крыма носили наименование «Готия» — «Готская епархия», в позднеантичных городищах и могильниках Крыма археологи находят только следы сильной сарматизации и аланизации местного тавро-скифского населения в первых веках нашей эры. Всестороннее исследование этого сложного вопроса является одной из актуальных задач советской науки.

В большинстве могильников того времени в Крыму встречаются и сарматская лепная посуда, и бронзовые зеркала с подвесками, и другие типично сарматские вещи. Погребения совершались тоже по-сарматски — со скрещенными ногами, в деревянных колодах.

О проникновении аланов в Скифию уже во II в. н. э. свидетельствуют археологические находки, например, погребение аланского военачальника и его коней в Неаполе скифском, открытое в 1956 г. Обнаружен характерный набор украшений конской сбруи: обтянутые листовым золотом бронзовые бляхи — от седла и чепрака, посеребренный и позолоченный железный налобник с изображением конских голов. Кроме того, в погребении найдены крупные халцедоновые бусы и золотая серьга с подвеской в виде палицы Геракла, инкрустированная цветным стеклом.

В III—IV вв. на Крымский полуостров нахлынули аланы. В погребениях этого времени на Керченском полуострове и в степном Крыму обнаружены многочисленные сармато-аланские вещи, в том

числе и изделия так называемого полихромного звериного стиля, которые долго приписывали готам: золотые и серебряные застежки, детали поясов и конской сбруи, варварски пышно украшенные драгоценными камнями и цветным стеклом, разнообразно и сложно орнаментированные звериными и птичьими головами, лапами и т. п.

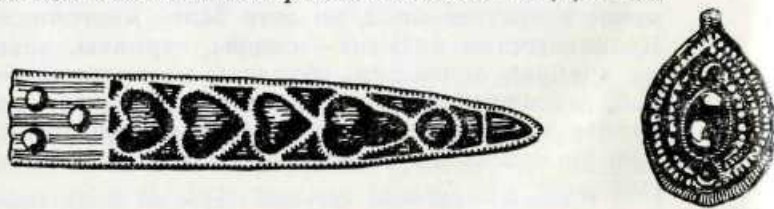
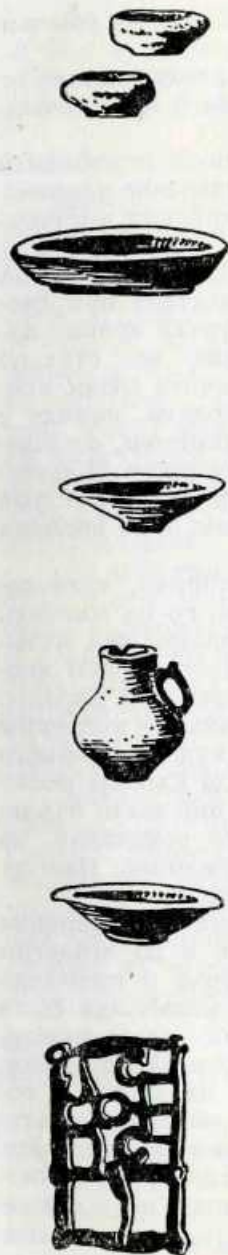
Большинство подобных псевдоготских вещей связано с богатыми погребениями сармато-аланских вождей. Племена, известные под этим собирательным именем, проникли в Крым с Северного Кавказа, где со II в. широко известны памятники их культуры.

Одним из центров производства таких вещей (задолго до появления здесь «готов») становится и античный Боспор. Полихромный стиль широко распространился в Причерноморье. Волна кочевников подхватила и понесла его в страны Западной Европы.

Так называемые готы на юге Восточной Европы представляли собой конгломерат этнически различных племен, в котором лишь поначалу главенствовали готы. Те племена, которые расселились к востоку от Днепра, объединились в большой союз, известный под названием остготовов или остготов — в отличие от готов западных, союз которых получил название везиготов или вестготовов. Медленно продвигаясь на юго-восток, постепенно смешиваясь с аборигенами, остготы проникли в Нижнее Приднестровье и Крым, дошли до северных берегов Азовского моря, быть может, частично захватив и земли Северного Кавказа. Среди них преобладали племена, занимавшиеся земледелием, но известны и кочевники-скотоводы степных районов.

Стихийное наступление варваров на Римскую империю в III в. втянуло в борьбу племена Северного Причерноморья. Военные действия, охватившие восточный Крым, вызвали упадок заморской торговли Боспора. В 332 г. была прекращена чеканка боспорских монет. В конце III в. от натиска готских племен — боранов и герулов — погибли города Боспора, в том числе Илурат, Мирмекий, Киммерик.

О разложении родовых отношений и социальном неравенстве «готов» в IV в. косвенно свидетельствует довольно быстрое проникновение в их среду

христианства, которое было воспринято прежде всего социальной верхушкой.

Наибольшего могущества остготы достигли к середине IV в. Однако противоречия внутри союза (борьба за главенство и власть между знатью отдельных племен) вскоре ослабили его. В 375 г. при первом же серьезном натиске новых пришельцев — гуннов он распался, а племена его были поглощены их мощным потоком.

НАШЕСТВИЕ ГУННОВ

Гунны — кочевой народ Центральной Азии (по китайским источникам — «хунну») — еще в III—II вв. до н. э. объединились на территории Монголии и Южного Прибайкалья.

В III в. нашей эры гунны проникли в приволжские и донецкие степи. Часть живших там аланов была покорена гуннами и вовлечена в их борьбу с готами. Раннесредневековый историк Аммиан Марцелин сообщает, что гунны двигались на запад и боролись с готами в одном строю с аланами.

Разбив готов в IV в., гунны заполнили степи и предгорья Крымского полуострова и подчинили себе часть аланских племен.

Письменные источники и археологические материалы IV в. говорят, что в среде гуннов происходила имущественная дифференциация, выделялась знать. Основой хозяйства гуннов являлось кочевое скотоводство и отчасти земледелие. Известную роль играла охота.

Около 450 г. гунны во главе со своим предводителем Атилой вторглись в пределы восточноримских владений и в Центральную Европу, а в 451—452 гг. совершили опустошительные набеги на Галлию и Италию. В 453 г., после смерти Атилы, их племенной союз распался, большинство входивших в него племен вернулось в причерноморские степи. В Крыму гунны окончательно разорили степные и предгорные поселения и опустошили плодородные речные долины. Местное население ушло в труднодоступные для кочевников гористые районы юго-западного Крыма, в верховья рек, где и возникли новые поселения, убежища и городища.

Гунны нанесли пошатнувшемуся Боспорскому царству в 70-х годах IV в. последний смертельный удар. К концу IV — началу V в. Пантикапей, некогда богатейшая столица Боспорского царства, превратился в небольшой городок Боспор, который жил уже не столько торговлей и ремеслом, сколько сельским хозяйством.

Не менее серьезно, чем Боспор, пострадало государство поздних скифов. Не зря (по археологическим данным) в III в. в Неаполе скифском, Алма-Кермене, Усть-Альминском, Красном и других городищах и поселениях предгорного Крыма бушевали пожары.

К этому времени этнический состав населения Крыма очень усложнился, в чем убеждают и антропологические данные. Степи и предгорья занимали скифы и сарматы; горы, юго-восточное побережье — тавры. В приморских городах жили главным образом греки, но имелась там и прослойка скифского, сарматского, аланского населения.

Гуннское нашествие прервало связи Крымского полуострова с племенами Юго-Восточной Европы. Степи Северного Причерноморья и Приазовья заняли экономически отсталые кочевые орды. Скифо-сармато-аланов были оттеснены в горы, где постепенно слились с потомками тавров. Это смешанное население и являлось в период раннего средневековья основным в горном Крыму.

Такова была в общих чертах экономическая и политическая обстановка, в которой находился Крым на рубеже античности и средневековья. Как же сложилась дальнейшая судьба населения разгромленного Боспорского царства и государства поздних скифов? Исследования археологических памятников того времени дают ответ на этот вопрос.

НА ЗАРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

До бурных событий III—IV вв. местное население жило мирным трудом: выращивало хлеб, виноград, разводило скот, занималось ремеслами и торговлей. Об этом говорят находки — обугленные зерна ячменя, пшеницы и ржи, кости домашних животных, остатки тара-

панов — виноградных давилец, древние корневища виноградных лоз и т. д. В могильниках этого времени среди погребального инвентаря почти нет оружия.

В более поздних могильниках (Озерновском II, Баклинском) уже встречаются мечи, кинжалы, ножи, копья, стрелы. Много оружия обнаружено в Инкерманском могильнике. Очевидно, он относился к поселению (III—IV вв. н. э.), в котором существовала хорошо вооруженная военная дружина. Кроме того, в некрополях поселений и городищ наряду с простыми грунтовыми могилами уже встречается иной тип погребальных сооружений — фамильные склепы, видимо, принадлежавшие знати. Их разнообразный инвентарь высокого качества. Это дает основание предполагать, что в это время усилилась имущественная дифференциация населения.

По археологической карте можно заметить, что скифские поселения в течение шестисот лет — с III в. до н. э. до III в. н. э. — располагались главным образом в нижнем и среднем течении Салгира, Альмы, Качи и Бельбека. Здесь на высоких холмах были их городища, укрепленные каменными стенами, и убежища, принадлежавшие сельским поселениям. В центре Крыма (на юго-восточной окраине современного Симферополя) находилась столица Скифского государства — Неаполь скифский. Все эти населенные пункты во время нашествия кочевников пришли в запустение, тогда как на отрогах Главной гряды Крымских гор и в верховьях рек именно в конце III и в первой половине IV в. появились мелкие поселения.

Несколько позже, в IV—V вв., в верховьях рек юго-западного Крыма и на южном берегу возникают новые поселения. В некоторых из сопутствующих им могильников — у высоты Сахарная головка, в Узенбаше, в Эски-Кермене и других — прослеживаются прочные культурные традиции, оставленные скифо-сармато-аланами. Но в то же время возникают и новые черты, свидетельствующие о сильном культурном влиянии Византии. В большинстве погребений найдены вещи, весьма близкие подобным вещам раннесредневекового некрополя Херсонеса, который уцелел после варварских нашествий. Его спасло не только выгодное географическое положение, мощные стены и башни, но и то, что он имел большое экономическое значение как для Рима и Византийской империи, так и для самих кочевников.

Итак, с V в. оседлая жизнь на Крымском полуострове в основном концентрируется в труднодоступных верховьях речных долин и в какой-то мере на узкой полосе южного и юго-восточного побережья, а также на востоке Керченского полуострова.

ГОРОД ХЕРСОН — „КОРСУНЬ-ГРАД“ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

Историей средневекового Херсонеса, или Херсона, как он тогда назывался, ученые занимаются давно. И все-таки в ней еще много не до конца прочитанных страниц.

В ранний период своего существования Херсон долго сохранял черты позднеантичного римского города. О его внешнем виде можно судить по руинам восточных кварталов, раскопанным еще в дореволюционное время. Общую картину дополняют раскопки нашего времени, проводившиеся в северной части города и на берегу Карантинной бухты на территории бывшего порта. Сохранившиеся в виде невысоких руин постройки этого крупного для своего времени города относятся большей частью к X—XII вв. или даже к более позднему времени. Однако, как убеждают археологические раскопки, все они пере-

крывают фундаменты античных и раннесредневековых зданий или поставлены прямо на них.

Строители города придерживались в основном планировки, унаследованной от античного периода. На улицах не было тротуаров, но они имели хорошие мостовые; под большинством из них проходили канализационные желоба.

Главная улица, пролегавшая с востока на запад, являлась как бы продольной осью города. Она была застроена стоящими вплотную двухэтажными домами. В нижних этажах большинства из них имелись лавки, широкие двери которых, открывавшиеся прямо на улицу, служили и для освещения. В каждой лавке узкая дверь вела, как правило, в просторное заднее помещение, должно быть, кладовую, а третья — на лестницу в верхний жилой этаж.

Под домами обычно устраивались подвалы для длительного хранения товаров. Мука, крупа, зерно, соленая рыба, вино, растительное масло хранились здесь в установленных тесными рядами пифосах — больших толстостенных глиняных сосудах. Выделялись они в Херсоне. Тарой для перевозок служили круглодонные амфоры. В розничной торговле и для домашних нужд использовались одноручные плоскостенные кувшины нескольких стандартных размеров.

Фасады жилых домов отделывались просто:

обычный цоколь из хорошо отесанных плит, гладкие оштукатуренные стены из бутового камня на глине. Небольшие окна верхних этажей, выходящие на улицу, часто имели арочные перемычки и наличники (тоже из отесанного камня), которые иногда украшались примитивной резьбой — линейно нанесенным орнаментом из малоазийской плетенки или незамысловатых по рисунку розеток. Только некоторые зажиточные дома украшались более затейливыми резными вставками или нарисованным на штукатурке орнаментом. В этот период наново отстраиваются обветшавшие базилики V—VI в.: Уварова (по фамилии исследователя), базилика 1889 г. и базилика 1935 г. (по годам раскопок). Насколько можно судить по новым археологическим данным, роскошный по тому времени «Загородный крестообразный храм», прежде относимый к V—VI вв., был сооружен не ранее X в¹. На месте бывшей агоры восстанавливается ряд старых развалившихся к тому времени базилик и возникает несколько новых крестообразных храмов. Снова получает распространение дорогая отделка стен общественных зданий — мраморная облицовка, роспись красками и т. д.

В восточной части города к X в. вырос крупный архитектурный комплекс вокруг самой большой из базилик Херсонеса — Уваровской. Сзади ее алтаря был расположен целый хозяйственный комплекс, связанный с храмом, а перед базиликой к южной стороне атриума (парадного двора) примыкало жилище настоятеля этого храма. Рядом стояло крестообразное, украшенное мрамором и мозаикой трехабсидное здание крещальни, впоследствии обросшее пристройками. То же самое происходило вокруг всех больших храмов Херсона — «Загородного крестообразного», «Храма с ковчегом», Западной базилики и других. За долгий период своего существования они обросли разнообразными жилыми, хозяйственными, производственными сооружениями, принадлежавшими церкви. Очевидно, Херсонская епархия имела свое хозяйство (в том числе и какие-то ремесленные мастерские), что наряду с приношениями прихожан давало ей значительные средства.

Соединение в одно целое храмов, жилищ, хозяйственных построек говорит об одной черте средневекового Херсона: в IX—X вв. в нем, как и в самой империи, сформировались элементы церковно-феодального уклада.

В X в. и позднее кое-где вокруг Херсона возникали земледельческие хозяйства хуторского или монастырского типа. К таким можно отнести небольшой монастырек на территории Гераклеяского полуострова, руины которого еще до революции исследовал известный русский ученый, знаток истории и археологии Крыма А. Л. Бертье-Делагард.

¹ Как показали раскопки 1953 г., его замечательный мозаичный пол настлан в XII в. после перестройки храма.

О существовании таких усадеб свидетельствует и ряд фамильных склепов, размещенных в отдалении от городских стен, как, например, известный склеп с росписью в пос. Туровка и др. Однако эти малочисленные хутора и мелкие монастыри вряд ли играли значительную роль для Херсона. Экономика города опиралась в основном на внешнюю и внутреннюю торговлю и ремесло.

Оживленная торговля с крымскими соседями, завязывание торговых отношений с Русью и печенегами, непрерывающиеся связи с Малой Азией, Закавказьем и Балканами — все вело к тому, что Херсон в рамках Черноморского бассейна приобрел значение международного порта.

Об этом говорят мощные портовые оборонительные сооружения — стены и башни. Хорошо просматриваются в тихую ясную погоду с берега Карантинной бухты заросшие водорослями фундаменты пирсов для причала торговых кораблей.

Экономический расцвет Херсона вызвал оживленное строительство. Упорядочивается линия обороны. Расширяется и территория города.

В росписи одного из загородных склепов, относящейся к X в., имеется интересный рисунок, на котором изображены мощные оборонительные стены, высокие ворота, башни, увенчанные коронами зубцов. Есть все основания предполагать, что это изображение Херсона.

При археологических раскопках западного участка Херсонесского городища, проведенных в 1957—1962 гг., изучена стена, расположенная значительно западнее старой границы города. Ее относили к VI в., но без достаточных оснований. Теперь, после раскопок, установлено, что стена построена в X в., т. е. именно тогда, когда Херсон достиг своего расцвета как крупный торговый центр.

НАСЛЕДНИКИ РИМА

По немногим эпиграфическим памятникам известно, что Херсон входил в состав Византийской империи с первых же дней ее существования. Значение Херсона для Византии, как и ранее для Рима, определялось его местоположением. Он был стратегически выгодным плацдармом в Черноморском бассейне и экономическим посредником в морской и сухопутной торговле с варварскими племенами североприморских степей, являясь одновременно крупным ремесленным центром.

Одна из херсонесских строительных надписей времени царствования императора Феодосия (379—395 гг.) позволяет судить о взаимоотношениях между Византийской империей и Херсоном. Надпись рассказывает о важных строительных работах, проведенных в Херсо-

не под руководством представителя императорской власти — трибуна¹ Флавия Вита. Из текста видно, что город признавал владычество императоров и в нем стоял византийский гарнизон.

В V в. роль византийской власти в Херсоне крепла по мере того, как возрастало могущество империи и развивались ее успехи в борьбе против варварских племен.

Стремления Херсона к политической самостоятельности и независимости в это время были притушены. Найденная в Херсонесе надпись, относящаяся к 487—488 гг., — эпиграфический памятник времени царствования императора Зенона — указывает на существование в городе императорской администрации, ведавшей военными и финансовыми делами. В начале VI в., к моменту воцарения императора Юстиниана I (527—565 гг.), южное и восточное побережья Крыма считались принадлежащими Византии. Об этом свидетельствует византийский писатель того времени Прокопий Кесарийский. Вместе с тем из его слов вытекает, что такое положение было не очень устойчивым. Если в Херсоне и на Боспоре власть византийской администрации была неограниченной, то на остальном побережье, в особенности в горных районах, она, по-видимому, никогда не была полной.

В горах Таврики, как тогда называли южную часть полуострова, не было собственно византийских укреплений. Для защиты же побережья во времена Юстиниана I были построены всего две крепости (на местах нынешних Алушты и Гурзуфа).

Правда, византийское правительство, по словам Прокопия, приняло меры по укреплению горных проходов, т. е. перевалов Главной горной гряды, для обороны от варваров — смешанных кочевых племен (гуннов и др.), которые захватили степные районы полуострова. Но, тем не менее, сепаратистские стремления Боспора, отдаленность Крыма от империи и непрерывный натиск кочевников неуклонно вели к ослаблению византийского влияния за пределами Херсона.

В одной из боспорских надписей времени царствования императора Маврикия (582—602 гг.) упоминается имя «стратилата Евпатерия, дука Херсона». Титул дука носили командующие войсками, расквартированными за пределами империи, а также военные начальники провинций и отдельных пограничных городов. По-видимому, Херсон, как резиденция дука, являлся опорной точкой империи в той экономической и политической борьбе за торговые рынки в Крыму, которую она непрерывно вела со сменявшимися здесь друг друга варварскими племенами. Сложная, порою опасная роль посредника в торговле Византийской империи с варварами была для Херсона

¹ Трибун — в республиканском Риме выборный народный представитель, в период империи утратил свое значение, а в Византии превратился в императорского чиновника.

достаточно выгодной, хотя изрядная доля его торговых прибылей попадала в императорскую казну.

Являясь форпостом Византии, Херсон в то же время стремился к политической самостоятельности. Жители города упорно сопротивлялись введению христианства, проповедовавшего абсолютное подчинение императору. Дошло до того, что для водворения епископа Капитона понадобилось применение вооруженной силы.

К тому времени, как известно, христианство уже не являлось религией рабов и обездоленных. Оно вводилось руками властей с целью еще большего закабаления эксплуатируемого народа. Сторонником новой религии в Херсоне могла являться прежде всего привилегированная часть населения города. Ее же отношение к Византийской империи было двойственным. С одной стороны, она принимала и должна была ценить вооруженное покровительство Византии, с другой — предпочла бы платить за него подешевле. Отдавая императорским чиновникам долю своих барышей, торговцы и владельцы ремесленных мастерских сторицей возмещали отданное за счет зависимых от них ремесленников. Трудовое население Херсона, таким образом, терпело двойной гнет. Народ не мог не быть враждебным к империи и ее представителям в Херсоне. Следовательно, упорное его сопротивление введению христианства носило не только антивизантийский, но и классовый характер.

В таких условиях христианизация населения протекала долго и трудно. В раскопках некрополей позднеантичного Херсонеса почти отсутствуют следы христианства. Лишь к концу IV в. в погребальном инвентаре могил изредка появляются металлические нательные кресты, а христианские надгробия в форме крестов встречаются еще реже. И хотя в V в. христианство в Херсоне уже давно являлось официальной религией, более или менее массовым оно становится только в VI в. Впрочем, по свидетельству сосланного в Херсон папы Мартина, в VII в. город еще оставался полуязыческим и даже в VIII—IX вв., говоря словами византийского писателя того времени Епифания, «херсаки туги на веру» и отнюдь не отличаются религиозностью.

Небезынтересно, что между Херсонской епархией, которая существовала уже с начала IV в., и Константинопольской патриархией в V в. завязалась борьба, в которой херсонская церковь добивалась автокефалии, т. е. административной самостоятельности. Эта борьба, должно быть, в какой-то мере совпадала с сепаратистскими настроениями Херсона.

В IV—V вв. в Херсоне было немного церквей. Зато VI век и более позднее время отличаются обилием и грандиозностью храмов.

Отношение Херсона к империи в VI в. имело противоречивый характер. Херсон тяготел к тесной экономической связи с Византией. Его торговая аристократия, сосредоточившая в своих руках всю внешнюю торговлю и политическое влияние, не могла открыто выступить против империи, чтобы не потерять основную часть своих доходов от транзитной торговли малоазийскими товарами. Играла свою роль и военно-строительная деятельность византийской администрации города, которая защищала его от гуннов (и других пришельцев-варваров). Немаловажное значение имели и этническое родство, и единство языка, и культурная общность. Вот почему, несмотря на строптивое отношение Херсона к Византии, никогда — ни в это время, ни позже — не ставился вопрос о его полном разрыве с Византией. Дело сводилось лишь к уменьшению налогов и торговых пошлин, являвшихся как бы платой за безопасность торговли Херсона с Малой Азией и защиту его от нашествия кочевых племен.

С середины VI в. Византия переживала экономический и политический кризис, который привел к усилению ее давления на беспощадно эксплуатируемые провинции. Торговля на Черном море резко сократилась. Херсон вступил в длительную полосу упадка, о чем ярче всего свидетельствует прекращение чеканки херсонской монеты в начале VII в.

Одновременно с торговлей сократилось и рыболовство. Крупные рыбозасолочные цистерны исчезают, уступив место мелким домашним рыбохранилищам. В связи с упадком этого промысла и морской

торговли, та же участь постигает и кораблестроение, игравшее заметную роль в экономике города.

Уменьшились масштабы городского ремесла, в частности производства орудий труда, находивших сбыт в предгорьях и степном Крыму. Ухудшилось экономическое положение ремесленников. Город на долгое время утратил свое былое значение ремесленного, торгового и культурного центра.

Однако он еще продолжал оставаться важным стратегическим и военно-административным пунктом Византийской империи.

ХЕРСОН ПРИ ХАЗАРАХ

В конце VII и в VIII в. полчища хазар, хлынувшие в Крым, вплотную окружили Херсон, на длительное время отрезав его от горных и степных районов, от сырьевых и продовольственных баз.

Из-за отсутствия письменных и недостатка археологических данных трудно сказать, имелись ли тогда в распоряжении Херсона сколько-нибудь значительные земельные угодья. Видимо, перед нашествием хазар в экономике торгового, еще наполовину рабовладельческого, города сельское хозяйство играло незначительную роль. По свидетельству того же папы Мартина, раннесредневековый Херсон пользовался хлебом, привозимым из-за моря. В городе не было крупного виноделия, о чем ярче всего говорит отсутствие вокруг него больших сельских хозяйств. Нет оснований предполагать возможность концентрации земель в руках аристократии и, стало быть, натурализации его экономики, свойственных феодальному укладу. Представление о некоей сельскохозяйственной округе раннесредневекового Херсона является весьма спорным.

Если пригородные хозяйства и были, то, вероятно, небольшие и немногочисленные. Они могли являться поставщиками птицы, овощей, фруктов, возможно, некоторых молочных продуктов и мелкого домашнего скота, преимущественно коз и свиней. Костные отходы раннесредневекового Херсона свидетельствуют о преобладании именно этих животных и птицы. Гораздо реже встречаются кости крупного рогатого скота, и то исключительно взрослых особей. Это говорит о том, что они доставлены были издалека. Попадают также рога и кости различных диких животных, больше всего косуль и оленей.

Из рогов косуль и оленей вырабатывались разнообразные изделия художественного ремесла. Первично обработанные рога, равно как и вещи из них, — ручки ножей, накладные пластинки для орнаментации столярных изделий — археологи часто находят при вскрытии культурных отложений этого периода. Рога и кости диких животных свидетельствуют о том, что Херсон окружали довольно обширные неводеланные земли, на которых велся охотничий промысел (но, надо думать, он имел второстепенное значение).

В культурных отложениях Херсона периода его кризиса почти не встречается костных остатков крупного рогатого скота и крупной рыбы. Реже попадаются и птичьи кости, яичная скорлупа. Зато возрастает количество костей и чешуи мелкой рыбы (преимущественно хамсы), раковин съедобных улиток, устриц, мидий. На площадях, улицах и во дворах опустевших в то время кварталов, особенно в северо-западной части города, их появляются целые горы. Очевидно, в начале хазарского нашествия население испытывало сильные продовольственные затруднения, так как город был оторван от путей снабжения основными продуктами питания, а собственной продовольственной базы не имел. Однако спустя некоторое время хазарское нашествие и положительно сказалось на экономике города.

Мощное царство хазар, захватившее восточную и степную части Крыма, все же было не настолько сильно, чтобы полностью сокрушить византийское влияние в его западных районах. Со своей стороны и Византия, не оправившаяся от кризиса и непрерывно мучимая внутренними и внешними неурядицами, не смогла изгнать хазар и восстановить свою былую роль в Таврике. Обе стороны, несмотря на вооруженный настороженный мир и глухое соперничество, в котором использовался каждый промах противника, были заинтересованы в известном политическом равновесии. Создавшееся положение позволило Херсону балансировать между ними. Постепенно он превратился в необходимый обоим сторонам транзитный торговый пункт.

Однако узкая, хотя и традиционная, торгово-посредническая роль не могла надолго удовлетворить Херсон. Он вновь начал стремиться к политической самостоятельности. Его активное вмешательство в

сложную политическую игру двух сильных держав привело к весьма серьезным последствиям.

В 685 г. император Юстиниан II был свергнут с византийского престола и сослан в Херсон его преемником императором Леонтием.

Здесь он начал подготовку нового дворцового переворота. Херсониты решили выдать его императору Тиберию III, тем временем занявшему место Леонтия. Юстиниан бежит из Херсона и после долгой борьбы, изворотливо преодолев ряд препятствий, захватывает столицу и императорский трон.

Подоплекой подобных историй, обычных для Византии, являлись противоречия между императорским абсолютизмом, воплощенным в такой деспотической личности, как Юстиниан II, и свободолюбивыми стремлениями константинопольского дема — привилегированной византийской знати. Естественно, что херсонская торговая знать была тоже против Юстиниана и выступала на стороне других претендентов на престол, поддерживаемых демом.

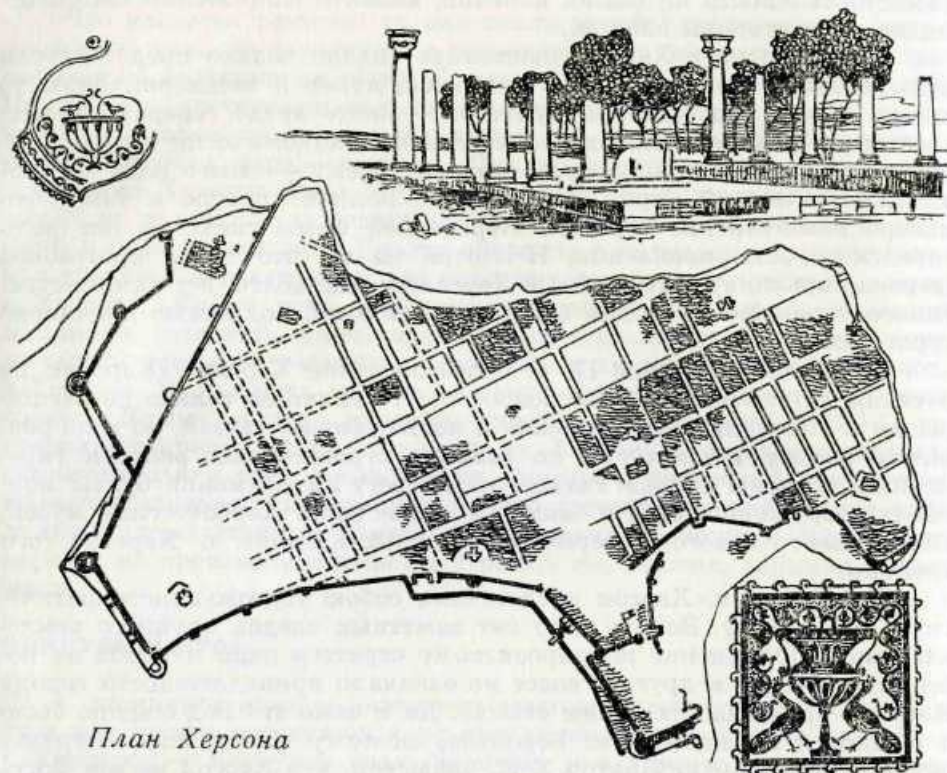
Вновь захватив власть, Юстиниан начал мстить своим врагам. Херсон, ища защиты от императора, уходит под покровительство его политических противников — хазар. Юстиниан посылает в Крым карательную экспедицию. Однако решительные меры, принятые Херсоном и хазарами, побудили Юстиниана II прекратить репрессии. Он попытался поставить в Херсоне своего наместника. Но возмущенные действиями Юстиниана херсониты подняли в 711 г. восстание. Эту обстановку сумел использовать проживавший в городе политический ссыльный по имени Вардан, родом армянин. Он был провозглашен в Херсоне императором Византии под именем Филиппика.

При активной поддержке хазар и населения города Вардан-Филиппик утвердился на престоле. С этого времени для Херсона наступила эра благополучия.

ХЕРСОН — ТОРГОВЫЙ ГОРОД

Византийские императоры, вынужденные поддерживать дружественные отношения с хазарами, долго не трогают привилегии Херсона, полученные им от Вардана-Филиппика. Город постепенно снова становится выдающимся торгово-ремесленным и культурным центром Северного Причерноморья.

Во второй половине IX в. в Херсоне возобновляется чеканка собственной монеты. И хотя эта монета была медной, разменной и предназначалась для розничной торговли на внутреннем и ближайших к городу рынках, сам факт ее чеканки говорит о том, что Херсон вновь приобрел видное торгово-ремесленное значение среди других ранне-

План Херсона

средневековых городов юго-западного Крыма. О росте торговли, как внутренней, так и внешней, свидетельствуют остатки торговых рядов IX—X вв. на его главной улице.

Роль черноморской торговли и причерноморских сухопутных дорог в VIII в. начала возрастать, так как арабы закрыли водный путь через Красное море, связывавший ранее Византию с восточными рынками. Это обстоятельство побудило императорское правительство обратить более пристальное внимание на Херсон. Развитие его

самостоятельности не могло, конечно, вызвать благожелательного отношения со стороны властей.

Если раньше в Херсоне постоянно сидели только представители императорской власти в лице трибунов, дуков и коммерциариев, то теперь в нем учреждается стратегия — нечто вроде генерал-губернаторства. А неопределенных размеров зона, экономически и политически тяготеющая к городу, превратилась в фему — своего рода военно-административный округ. Это в конце концов привело к тому, что вскоре византийские стратеги Херсонской фемы свели на нет роль городского самоуправления. Несмотря на то, что титул протевонов (первенствующих) сохранялся в Херсонесе еще долго, все административное управление городом было, по-видимому, полностью подчинено стратегам.

Со второй половины IX в. благосостояние Херсона (Корсуния по русским летописям) заметно возросло. Это видно не только по расширению и упрочению его торговых и политических связей, но и по развитию ремесел и искусства, по размаху строительных работ и укреплению обороны города. Раскопки на берегу Карантинной бухты портовых сооружений, стен и башен, которые ведет Херсонесский музей, вносят много нового, интересного в представления о Херсоне того времени.

В конце X в. Херсон представлял собою торгово-аристократическую республику. Вокруг него нет заметных следов крупного землевладения. Подчинение же херсонскому стратегу ряда пунктов на побережье (Сугдеи и других) вовсе не означало принадлежности городу Херсону прилегающих к ним земель. Да и само это подчинение было в сущности номинальным. Вероятно, поэтому Константин Багрянородный, византийский автор X в., указывал, что Херсон не мог жить без хлеба, ввозимого из Южного Причерноморья. Ремесла и особенно посредническая торговля были, как и прежде, основой экономики Херсона.

Значительную роль в торговле города играл сбыт соленой и вяленой рыбы, ловлей которой издавна занимались херсонские рыбаки. Многочисленные цистерны и пифосы с остатками соленой рыбы, найденные при раскопках торговых помещений на главной улице и в других местах города, подтверждают данные письменных источников.

Не менее важной доходной статьёй для Херсона была и перепродажа продуктов животноводства. Херсонские купцы покупали их в степных областях и вывозили в Малую Азию. Поставщиками этих продуктов являлись сначала печенеги, а позднее половцы.

Византийская военная администрация в Херсоне юридически продолжала существовать вплоть до XII в., но уже с начала X столетия она стала утрачивать влияние на ход торговых дел. Чеканка Херсо-

ном собственной монеты характеризует полноту его коммерческой самостоятельности.

Что касается ремесел, то они стали играть, по-видимому, второстепенную роль по сравнению с торговлей. Нет никаких данных того времени об интенсивном сбыте Херсоном своих ремесленных изделий. Исключение составляли только сельскохозяйственные орудия и, может быть, такие строительные материалы, как черепица и кирпич, а также торговая тара — амфоры. Однако распространение амфор за пределами Херсона было связано скорее всего с продажей товаров в них, а не со сбытом их самих как товара. Археологическими раскопками в ряде других мест Крыма открыты гончарные и керамические мастерские. Следовательно, это производство было развито не только в Херсоне. Кроме того, найденные в различных местах черепица и плинфа (плоский строительный кирпич) различны по составу керамической массы, по размеру и форме. Вряд ли все это вырабатывалось в Херсоне. И, наконец, недавно обнаруженные в нескольких пунктах горного Крыма остатки кузнечно-литейных мастерских VIII—IX вв. позволяют предполагать, что вряд ли Херсону принадлежала тогда исключительная роль в снабжении городов и поселений продуктами железодельного производства. Зато в торговле привозными изделиями художественных ремесел, предметами роскоши и другими товарами, не производившимися в Крыму, он, видимо, занимал первое место.

КОРСУНЬ И РУСЬ

С возникновением и развитием мощного древнерусского государства на Днепре возникают и расширяются торговые сношения Руси с Херсоном — Корсунем (как, впрочем, и с другими странами). Это сопровождалось неизбежным ростом военной силы Киевского государства и его влияния на международные дела. Ряд вооруженных столкновений Руси с Византией не мог пройти бесследно для Херсона. Оказавшись в качестве активного торгового посредника между Русью и Византией, он был в равной мере заинтересован в сохранении своих связей и с Византией и с Русью.

Население Херсона X—XI вв. становится многоэтничным. Это подтверждается как письменными источниками, так и антропологическими данными. Кроме греческих надгробий, в Херсоне найдены и древнееврейские (может быть, хазарские). Встречались и надписи на армянском языке.

Жили в Херсоне и славяне-русичи. Одна из корсунских легенд рассказывает, что просветители славян и проповедники христианства IX в. Кирилл и Мефодий, прежде чем создать свою азбуку (так называемую кириллицу), избрали именно Херсон для изучения наречий и

обычаев славян, среди которых им предстояло вести проповедническую деятельность.

В X столетии политическое влияние Руси в Таврике и Херсоне упрочилось.

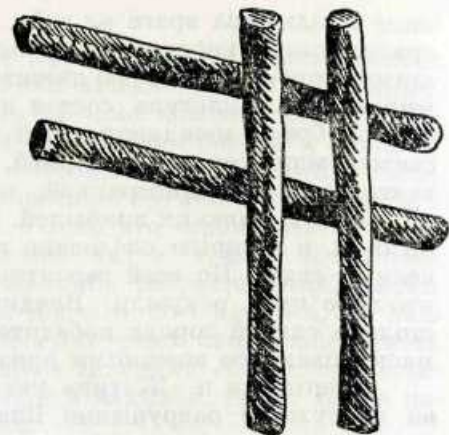
По мнению известного советского историка академика Б. Д. Грекова, это и определило исход важного по своим последствиям для Руси исторического события — похода киевского князя Владимира на Корсунь. Как известно, причиной похода явилось стремление Владимира поставить свою державу наравне с Византийской империей и принудить византийского императора выполнить нарушенные им обязательства. Среди них политически важным было обещание выдать замуж за русского князя византийскую царевну Анну.

Летописные версии этого события наряду с историческими фактами содержат много противоречий и легендарных подробностей. В обширной литературе, посвященной князю Владимиру, можно уловить две точки зрения на роль Корсуня. Одни исследователи, как например, А. Л. Якобсон, утверждают, что Корсунь будто бы был взят Владимиром «огнем и мечом» при жестоком сопротивлении граждан, потерпел непоправимый ущерб и начал быстро клониться к упадку. Вторая точка зрения, высказанная в свое время Б. Д. Грековым и разделяемая нами, усматривает в развитии событий две фазы.

На первом этапе активные военные действия Владимира, естественно, вызвали столь же активный отпор со стороны корсунян, о чем и говорится в летописи. Но если бы Владимир действительно ставил своей целью уничтожение Корсуня, то для него имело бы прямой смысл напрячь все силы, чтобы разрушить боевые стены, сломить сопротивление жителей и взять город в короткий срок. Однако уничтожение Корсуня не могло быть выгодным Владимиру, и он поступил иначе: прекратил активные (вероятно, демонстративные) военные действия и приступил к длительной и, видимо, довольно спокойной осаде.

В этой второй фазе корсуняне, сидевшие за мощными стенами, судя по летописи, были готовы к самому ожесточенному сопротивлению вооруженной силе. Но действия русского князя сделались пассивными...

Держать долгую осаду при недостаточно надежном и нерегулярном снабжении войск по морю можно было лишь при условии получения на месте, вблизи осажденного города, хотя бы продовольствия. Б. Д. Греков справедливо считает, что войско Владимира не смогло бы долго прожить за счет грабежа. Ведь известно, что в ближайших окрестностях Херсона сельское хозяйство не было развито, а грабеж отдаленных от Корсуня поселений расплыл бы силы Владимира и, конечно, встретил бы сильный вооруженный отпор местных жителей. Остается предположить, что экономической и политической предпо-

сылкой успешного исхода военного предприятия Владимира были те дружественные отношения, которые завязали его предшественники среди населения Крыма.

Оставляя в стороне нереальный характер некоторых подробностей летописи и «Жития», можно понять, что целью осады Владимир считал одно — склонить корсунян на свою сторону. Побряцав оружием у стен Корсуня, Владимир в конце концов одержал не столько военную, сколько дипломатическую победу над византийским императором. Различные домыслы о полном разорении Корсуня Владимиром нисколько не подтверждаются раскопками Херсонеса. Наоборот, археологи нередко находят в слоях этого периода русские вещи: кресты-энколпионы, наконечники ножен мечей, гривны (меновые единицы) в виде серебряных брусочков, встречается и славянская керамика. Все это — свидетельства тесного, постоянного и преимущественно мирного общения Руси с Корсунем.

Жители Корсуня могли видеть в

лице Владимира врага не себе, а императору. Ко времени событий традиционная корсунская политика балансирования между враждующими сторонами с целью наживы от тех и других окончательно сформировалась. Культура, состав населения, всевозможные связи Корсуни приобрели международный характер. Несмотря на вековые узы, связывавшие город с империей, корсуняне вряд ли были довольны византийской администрацией, не оставлявшей своих попользований на львиную долю их прибылей. В то же время Русь была для Херсона рынком, с которым следовало поддерживать самую тесную дружественную связь. По всей вероятности, именно эти обстоятельства, а не что-либо иное, открыли Владимиру ворота Корсуни. Это было не столько сдачей города победителю, сколько актом союза, хотя и замаскированного внешними признаками вражды.

В летописи и «Житии» указывается, что поводом к сдаче Херсона послужило разрушение Владимиром городского водопровода по указанию корсунянина Анастаса (который потом последовал за князем в Киев). Эта версия возникла, видимо, потому, что осажденным надо было как-то официально оправдать свои действия в глазах императора, придать им характер вынужденной уступки. В действительности же, как это ясно теперь из раскопок, в большинстве дворов (во всяком случае в каждом квартале города) были цистерны с дождевой и колодцы с грунтовой водой, хотя и несколько солоноватой, но вполне пригодной для питья. Кроме того, вода подавалась в город не по одной, а по нескольким скрытым в земле водопроводным трубам и к тому же из разных мест. Вряд ли мог Владимир все их обнаружить и разрушить.

Чисто фольклорный рассказ о сношениях Владимира с Анастасом посредством записки, привязанной к стреле, и в то же время историческая подлинность личности самого Анастаса являются подтверждением того, что город был сдан скорее всего после переговоров и соглашения, а не в результате кровавой победы русского князя.

Благодаря корсунскому походу Владимир не только укрепил союз Руси с Византией, но и заключил выгодную связь с самим Корсунем.

После победы Владимира окончательно утвердился тот великий торговый путь «в греки», за обладание которым было пролито немало русской крови. По этому пути на Русь проникали византийские товары, достижения техники и культуры, в том числе архитектура и изобразительное искусство, которые оказали свое влияние на зодчество и живопись Киева и других русских городов. Христианская религия и византийские формы государственности воздействовали на формирование русского государства, его культуры и религии.

Итак, нет никаких оснований считать, что упадок Корсуни начался сразу после похода Владимира и, тем более, как непосредствен-

ный результат этого события. Такому предположению противоречат многочисленные факты. Археологические данные говорят, наоборот, о некотором подъеме ремесел Корсуни, изделия которого стали находить сбыт и на Руси. Оборонительные сооружения города в конце X и в XI в. не имеют следов больших военных разрушений и были тогда отнюдь не в запущенном состоянии. Трудно согласиться с утверждениями некоторых историков о том, что строительство и ремонт крепостных сооружений в портовой части города, о которых говорится в надписи 1059 г., были вызваны разрушениями, якобы причиненными Владимиром за 70 лет до того. Эта надпись, на наш взгляд, свидетельствует, что Корсунь и в это время продолжает иметь немалое значение для Византии. Недаром сановник Лев Алиат, заведывавший строительством и упомянутый в надписи, носил титул патрикия и именовался стратегом Херсона.

К середине XI в. в Таврике снова стали складываться обстоятельства, благоприятные для Византии и усилившие ее влияние в приморских городах южного и восточного побережий. Ослабление власти хазар в Крыму устранило одного из сильнейших ее соперников. Русско-византийские договоры о союзе нейтрализовали Русь, которая тем временем создавала на Черном море новую, более выгодную для себя базу — Тмутаракань.

Трудно сказать, как велика была власть византийского стратега за пределами Херсона. Пышный титул мог по-прежнему означать всего лишь номинальную власть. В это время население горного Крыма и городов побережья было, как уже говорилось, связано с Херсоном общностью культуры, языка и письменности. Однако военно-политические и торговые связи были, по-видимому, не так значительны. В археологических данных и письменных источниках нет никаких следов, указывающих на пребывание византийских гарнизонов за пределами Херсона; нет никаких сведений об императорских коммерциях в приморских городах. В это время в горах, на местах бывших родовых убежищ, уже возвышались стены и башни независимых от Херсона феодальных городищ и замков, к каждому из которых тяготела более или менее многочисленная группа поселений.

По-видимому, византийская фема в Крыму стала номинальной, а политические связи мелких горных княжеств и приморских городов с империей стали весьма неустойчивыми.

В самом Херсоне дело обстояло иначе. Здесь стратеги и коммерции были сильны. Имена некоторых из них сохранились на печатях, найденных в Херсоне. Частая смена этих должностных лиц свидетельствует о той обстановке враждебности и глухого сопротивления, которыми, как и прежде, были окружены представители империи. Самоуправление в лице коллегии протевонов если и не было

ликвидировано, то потеряло свое значение, что не могло не вызвать недовольства.

О напряженном состоянии внутренней жизни города под усилившимся давлением империи говорит драматический эпизод, который произошел в 1066 г. Византийский стратег, носивший звание котопана, отравил на пиру тмутараканского князя Ростислава. Херсонцы весьма энергично выразили свое возмущение поступком коварного византийца: «Сего же котопана побилша камнем корсунстии людье», — говорится в русской летописи.

Суть этого дела заключалась в следующем. Князь Ростислав враждовал с князем Святославом и его сыном Глебом, союзниками императора и торговыми конкурентами Херсона. Кроме того, он, вероятно, был и прямым противником Византии, которую тревожила военная экспансия Ростислава, угрожавшая ее черноморской торговле. Завоевательная политика тмутараканского князя несла Херсону возможность избавиться от убыточной для него опеки империи. Эти причины, видимо, и побудили корсуний поднять бунт против ставленника императорской власти, организовавшего убийство Ростислава.

Разросшееся восстание перешагнуло за пределы Херсона. По целому ряду дошедших до нас сведений, русские князья, союзники императора, собрались в поход против бунтовщиков. Над Херсоном нависла опасность. Но, к счастью для него, смерть императора Михаила и князя Святослава, инициатора похода, отвлекла внимание карателей от возмущившихся херсонцев.

В конце XI в. внешнее положение Херсона и внутренняя обстановка в нем улучшились. Мир между Русью и половцами, отрезавшими днепровские рынки от Херсона, вызвал оживление ремесел и торговли. Кроме того, город стал рынком для продажи рабов, которыми широко промышляли половцы. Византия в это время ослабила свой гнет, так как потеряла много сил в борьбе с предводителем норманнов Робертом Гвискаром.

УПАДОК ХЕРСОНА

С помощью венецианцев Византийская империя победила норманнов, но за это ей пришлось уступить Венеции всю черноморскую торговлю. Наступила пора усиленного накопления тех исторических предпосылок, которые вскоре привели Херсон к упадку.

Черное море стало ареной торгового соперничества венецианцев и генуэзцев, их борьбы за крымское побережье.

В то же время в Крыму происходили непрерывные вооруженные столкновения местного населения с половцами. В этом кипящем котле формировались новые отношения и связи, в которых Корсунь, оставаясь в стороне, стал играть второстепенную роль. Росли и укрепля-

лись, становились крупными торгово-ремесленными центрами новые города: Тмутаракань, Корчев, Сурож (Солдайя). Соперничество между ними способствовало их процветанию. Опасность разгрома кочевниками и в то же время крупные выгоды, которые давало обладание Солдайей, Кафой, Чембалом и другими новыми приморскими городами, заставляли венецианцев, а затем генуэзцев всемерно укреплять эти города, усиливать свое влияние в Крыму.

Восточные земли полуострова все больше отрывались от Херсона. В горных районах юго-западного Крыма укреплялось и росло Мангупское княжество, которое вскоре подчинило себе всю территорию, бывшую продовольственной и сырьевой базой Херсона и единственным рынком сбыта его ремесленных изделий. Все же на протяжении XII в. и первой половины XIII в. Херсон, по-видимому, оставался еще большим торговым портом и влиятельным культурным центром, однако теперь не единственным. А вскоре он уступил ведущую роль другим приморским городам.

Экономические связи Херсона с юго-западным Крымом еще некоторое время продолжались — ведь город являлся нейтральным безопасным портом и рынком сбыта сельскохозяйственных продуктов. Он еще оставался и крупным ремесленным центром, своего рода школой ремесла. О последнем свидетельствуют некоторые материалы раскопок Мангупа, а особенно Эски-Кермена. Их бытовой и хозяйственный инвентарь, керамика, в частности поливная посуда, носят на себе следы влияния херсонского ремесла. Многие предметы, найденные в Эски-Кермене, по-видимому, были выполнены в Херсоне.

В начале XIII в., когда торговля и политические связи Херсона с Константинополем оказались по сути прерванными, он попал под влияние маленькой, возникшей в 1204 г., Трапезундской империи. В одном из письменных источников говорится, что в 1223 г. Херсон наравне с другими городами юго-западного Крыма платил Трапезунду дань — «годовые взносы».

Со второй половины XIII в. всю торговлю на Черном море захватили итальянские купцы, обосновавшиеся в Кафе и Солдайе. Для Византии закрылись все морские торговые пути, в том числе и в Херсон. Таким образом, город окончательно остался в стороне от морской торговли, ранее обеспечивавшей его развитие и благосостояние. Правда, Херсон был избавлен от гнета Византии. Но, освобожденный от византийского гарнизона, он в то же время оказался почти беззащитным и мог сделаться легкой добычей любого захватчика.

И все-таки угасание Херсона длилось до тех пор, пока окончательно не отмерла его связь с соседними областями полуострова. Городское ремесло в Херсоне в XIII в. изменило свой характер. В мелких кузнечных мастерских Херсона продолжали изготавливать лишь земледельческие орудия: сошники, серпы, мотыги. Они находили

сбыт как среди окрестных жителей, так и в более отдаленных местах юго-западного Крыма, вплоть до районов нынешней Евпатории, где в то время развивалось зерновое хозяйство. Эта же зона была и потребителем продукции херсонских гончаров. Таким образом, к концу XIII в. город из транзитного торгового центра превратился в торгово-ремесленный центр небольшой области.

Окидывая взглядом историю средневекового Херсона, можно убедиться, что при упадке торговли его экономика не смогла натурализоваться, ибо, как мы говорили, в распоряжении аристократии и обедневшей торговой знати почти не было земель. Вынужденный жить за счет скудного местного обмена своих ремесленных изделий на продовольствие и сырье, он был обречен. По соседству с ним, в княжествах и больших монастырях горного Крыма, судя по археологическим данным, росло свое ремесло. Оно успешно конкурировало с херсонским, поскольку развивалось в непосредственной близости к базам сырья и продовольствия и прочно входило в общую систему феодального хозяйства.

Возможно, что ремесленники Херсона начали переселяться в другие, более жизнеспособные города.

ПОЗДНИЙ ХЕРСОН

В архитектурной планировке Херсона в XII—XIII вв. произошли существенные изменения. Город в целом, особенно его северо-восточная часть, до конца сохранил основу старой разбивки улиц, унаследованной от античности. Однако внутри кварталов все изменилось: маленькие жилые дома как бы опоясали небольшие внутренние площади, появились новые переулки, соединяющие их с улицами.

Каждая усадьба Херсона XII—XIII вв. состояла из крохотного двора, окруженного хозяйственными постройками или обнесенного высокой каменной стеной. Жилые здания, каменные, чаще двухэтажные, как правило, были обращены на улицу фасадом и нередко не имели в нижнем этаже ни окон, ни дверей.

Под жилые комнаты отводился второй этаж. В них со двора, реже — из нижнего помещения, вела каменная или деревянная лестница. В нижнем этаже были кладовые, причем входы в них делались чаще не со двора, а сверху — из жилых помещений. Стены домов обмазывались глиной и белились или покрывались штукатуркой, зачастую окрашенной в красный цвет. Крыши зданий, в большинстве случаев односкатные, покрывались плоской кровельной черепицей. Скаты направлялись преимущественно внутрь двора для сбора дождевой воды в глубокие цистерны. Одноэтажные помещения и нижние этажи двухэтажных построек, как правило, имели земляные полы, обмазанные глиной. Некоторые дома имели снаружи незатейливую

архитектурную отделку. Входные проемы нередко завершались полукруглыми арками из гладкого, хорошо отесанного камня. Фасады украшались карнизами в форме выкружек. Над входами, а возможно, и над окнами верхних этажей в стены вставлялись камни с высеченными на них крестами или затейливым узором — «плетенкой». В отдельных случаях проемы и наличники украшались более или менее сложной орнаментальной росписью. На видных местах, чаще на перекрестках улиц, строились небольшие церкви или часовни. Обилие их было весьма характерным для городов этого периода.

Находки в жилых домах средневекового Херсона говорят и о его социальной топографии. Так, юго-восточная часть города, по-видимому, была более зажиточной. Здесь, помимо обычного бытового инвентаря и простой глиняной посуды — больших и малых пифосов, мисок, кувшинов, горшков, глиняных сит, — встречаются более дорогие предметы: поливная посуда (местного производства и привозная) а также медная и стеклянная, дорогие кресты-энколпионы, резная кость и т. п.

В северо-западной части города жила в основном беднота — мелкие ремесленники, рыбаки. Здесь при раскопках встречаются железные и мед-

ные крючки, наконечники гарпунов, факельницы для ночной ловли рыбы, драги для добычи раковин. Обнаружено также много костей и чешуи различной рыбы — хамсы, камбалы, кефали и др. Найден и мелкий земледельческий инвентарь — железные сошники, мотыги, серпы, заступы, шерстные путы и подковы, железные щетки для расчесывания льна и шерсти.

В ремесле средневекового Херсонеса важную роль играло гончарное производство, изделия которого для быта и хозяйства того времени имели первостепенное значение. Местные гончары занимались преимущественно изготовлением простой домашней красноглиняной посуды, торговой и складской тары.

Местная столовая посуда представлена разнообразными мисками, тарелками, блюдами, небольшими кувшинами. Встречается и дорогая, покрытая разноцветной свинцовой поливой и украшенная различными орнаментами и изображениями.

Пифосы были по-прежнему обязательной принадлежностью каждого жилого дома. Судя по следам содержимого этих сосудов, в них обычно хранились вино, растительное масло, соленая рыба, зерно и крупа. Пифосы однообразны по форме, они имеют шаровидные очертания с очень небольшим — до 10 см — плоским дном и сравнительно широкой горловиной. Венчик пифоса массивный, выступающий наружу. Высота сосудов колеблется от 0,9 до 1,2 м. Для устойчивости они обычно вкапывались наполовину в землю или обкладывались камнями.

Для перевозки жидкостей и сыпучих продуктов, как и в античное время, служили амфоры — сосуды меньших размеров, высотой от 35 до 55 см. Наиболее распространенной формой амфор в Херсоне была широкая грушевидная и круглодонная с низким узким горлом и двумя крутыми высокими ручками. Такие сосуды удобно переносить или перевозить на кораблях. В трюмы судов для балласта насыпали песок: в него-то и вкапывали амфоры. Широко использовались в обиходе, как и раньше, разнообразные по форме и величине плоскодонные одноручные кувшины. Небольшие кувшинчики, которые подавали к столу, покрыты цветной глазурью, украшены по плечикам и горлу врезанными горизонтальными и волнообразными линиями, реже налепами. Некоторые из этих сосудов имели на венчике носик. Делались и кувшины с фигурными горловинами — ойнохой.

Посуда, покрытая глазурью, составляла главную отрасль прикладного искусства позднесредневекового Херсона. В ней наряду с византийскими ярко проявляются местные традиции и сюжеты. В XIII в. в украшениях херсонских гончарных изделий проникают мотивы искусства Закавказья и Ближнего Востока, как христианского, так и мусульманского.

Хорошо было налажено в Херсоне производство плоской кро-

вельной черепицы (размером 40×42 и 34×36 см) с невысокими бортиками вдоль длинных ее сторон. При укладке на кровлю плоские черепицы — солены (иначе — керамиды) перекрывались в стыках полукруглыми удлиненными черепицами — калиптерами, равными по длине соленам. Ими же покрывался и конек крыши. Односкатные кровли часто одевались только плоскими черепицами без калиптеров. Тогда их стыки перекрывались такими же черепицами, перевернутыми лицевой стороной вниз.

Встречаются плоские черепицы со специальным прорезом для дымохода. Многие черепицы на лицевой стороне имеют выпуклые изогнутые к середине валики для направления стока дождевой воды. На некоторых имеются клейма в виде различных букв или изображений. Трудно сказать, чьи это знаки: цеховые или отдельных мастеров-ремесленников.

Херсонские гончары изготавливали также глиняные водопроводные трубы и плинфу. Кузнецы и литейщики, выделявали железные орудия для сельскохозяйственных работ, чеканщики и ювелиры — всевозможные медные и бронзовые вещи: сосуды, иконы, различные украшения. Были в Херсоне и косторезы, изготовлявшие пуговицы, костяные накладки на деревянные ларцы и другие изделия. При раскопках Херсона найдены наковальни, молотки, литейные формы и т. д.

КАК УГАС ГОРОД

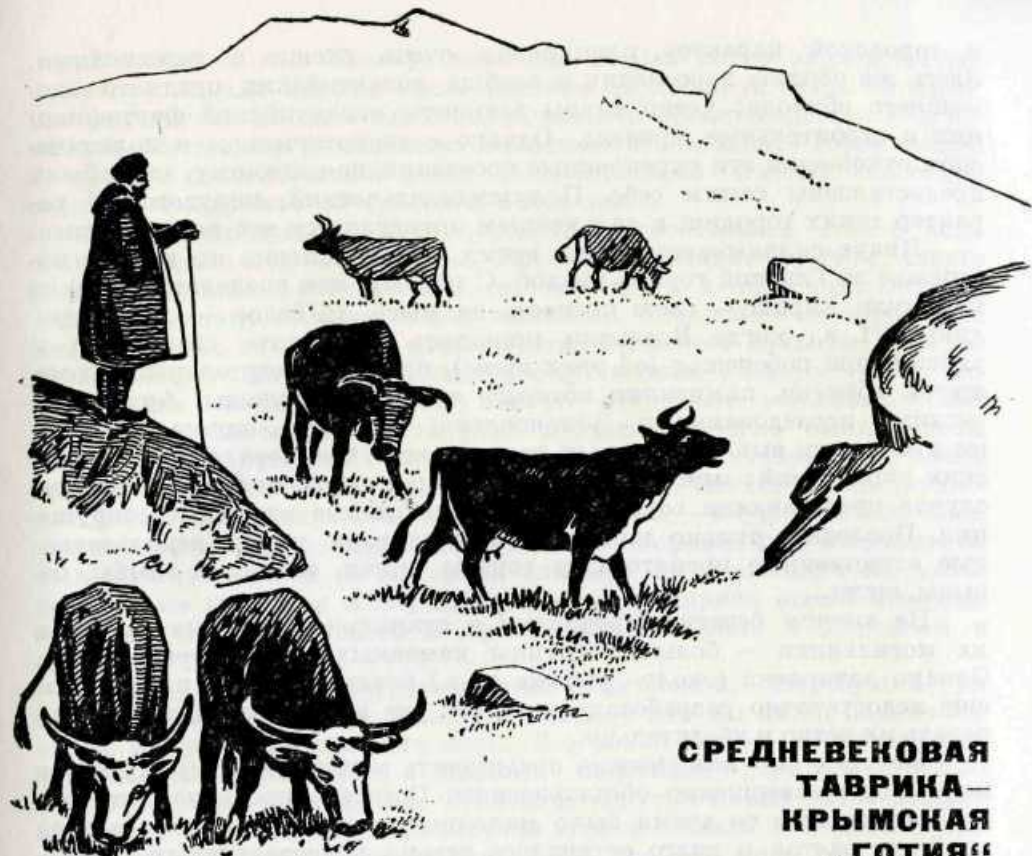
На рубеже XIII—XIV вв. до юго-западного Крыма докатилась волна татарского нашествия. В 1299 г. Херсон был разгромлен ордой татарского хана Ногая. Арабские писатели того времени называют Херсон по-татарски Сары-Кермен — Желтая крепость. К началу XIV в. относятся найденные в Херсоне монеты золотоордынских ханов. Встречаются надгробия и камни с вырезанным на них орнаментом так называемого «сельджукского» стиля. Возможно, татары вели с Херсоном торговлю. Однако город уже не мог тягаться с такими мощными соперниками, как фактории генуэзцев, возникшие и разросшиеся на берегах Крыма.

Генуэзцы, по-видимому, оказывали значительное влияние на внутреннюю жизнь Херсона. Об этом свидетельствует учреждение в 1333 г. в городе католической кафедры.

Херсон постепенно приходил в запустение, жители покидали его. О бедности города в конце XIV в. рассказывают церковные документы, наполненные мелкими тяжбами херсонских митрополитов с другими епархиями из-за доходов от пограничных селений. В 1390 г. нищета епархии, вызванная упадком Херсона, дошла, видимо, до предела. Митрополит покинул город. Последующие херсонские

митрополиты тоже предпочитали жить в соседних деревнях, принадлежавших генуэзцам.

В 1397 г., когда в юго-западный Крым вторглись полчища золотоордынского хана Едигея, разоренный ими Херсон как город почти перестал существовать. Об этом говорят следы огромного пожара в слое, перекрывающем его руины. Однако и после разгрома там еще какое-то время теплилась жизнь. В конце XV столетия возле величественных развалин некогда славного города ютилось рыбацкое поселение. Уцелевшие, но заброшенные постройки Херсона постепенно превращались в груды мертвых камней, над которыми долго возвышались остатки мощных башен и стен. Инструкция генуэзскому консулу в Кафе, датированная 1472 г., гласит: «...было бы полезно снести башни и стены одного необитаемого места, которое называется Херсон. И это в тех целях, чтобы турки не заняли его».

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ТАВРИКА— КРЫМСКАЯ „ГОТИЯ“

IV в., после ухода римского флота от берегов Крыма и временного сокращения сухопутных войск империи, стоявших в Таврике, окружающая Херсонес территория осталась неохраняемой, но и свободной от военно-административного контроля. Торговое и культурное влияние на нее соседнего Херсонеса, ставшего византийским городом Херсоном, остается. Но так как в Таврике не существовало тогда какой бы то ни было централизованной государственной власти, в хорошо защищенных самой природой местах юго-западного Крыма в V в. возникает ряд независимых поселений, укрепленных боевыми стенами (Эски-Кермен, Мангуп, Сюйренское укрепление, Вакла и др.).

Жизнь этих городищ была в сильнейшей степени проникнута византийской культурой. И типы жилищ,